

Густав Херлинг-Грудзиньский

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Библейская повесть

Положим, что Исаак был действительно принесен в жертву. Авраам верил. Он верил не в то, что будет блажен когда-то в иной жизни, но в то, что здесь, в этом мире, он должен быть счастлив. Бог мог дать ему нового Исаака, вновь вернуть к жизни принесенного в жертву. Он верил силой абсурда; ибо все человеческие расчеты давно уже кончились.

С. Кьеркегор. Страх и трепет

Мы начнем эту библейскую повесть с уничтожения Содома и Гоморры. Авраам ходатайствовал тогда перед Яхве, чтобы Он не уничтожал безбожных городов, если в них найдется хотя бы несколько праведников. Торговался с Яхве; начал пятьюдесятью праведниками, кончил десятью. Яхве склонялся к его просьбам, но Авраам довольствовался десятью. Яхве закончил разговор с Авраамом и замолчал. Авраам подумал: можно ли было спасти безбожные города ради немногочисленных праведников? Видимо, он ответил самому себе «да», но тут же испугался своего ответа, чувствуя на душе осадок горечи. Яхве, спасши только Лота, его жену и двух дочерей, послал на Содом и Гоморру дождь серы и огня. На следующее утро Авраам посмотрел в сторону Содома и Гоморры; он увидел поднимающийся над землей густой дым, будто бы из доменной печи. Долго всматриваясь, он все еще не мог избавиться от зернышка горечи. Неужели это я?.. Авраам не осмелился договорить до конца свое опасение. Склонив голову, он беззвучно зашевелил губами: О, Яхве, Вечный Боже, я всегда буду послушен твоим приговорам.

Внезапно его охватил страх, и сквозь старческую, иссохшую, сморщенную кожу, подобную коре векового дерева, проник трепет.

Авраам поселился тогда между селениями Кадес и Сур. Он жил в большой палатке, по ночам иногда терзаясь бессонницей, лежа рядом с крепко спящей на широком ложе Саррой. За перегородкой спал Елизар, верный слуга. Яхве молчал, как беззвездная ночь. Ночь была полна Его Божественного присутствия, немного присутствия сидящего на горной вершине орла. Если орел проснется, грозно взмахнет крыльями и ринется вниз, то на кого же он рухнет, разрезая воздух в полете? К кому с вершины обратится Яхве со словом, поддерживающим веру и тревогу?

Аврааму было сто лет, Сарре девяносто. Оба помнили обещание Яхве, но Авраама посещали сомнения. Вот смотрел он теперь на Сарру, освещенную на ложе пламенем каганца, видел ее груди, длинные и сухие, как стружки, ее постаревшее лицо, впавший живот, обвисшую кожу, руки и ноги, через которые, казалось, просвечивались кости. Трудно было полностью верить обещанию Яхве. А сам Авраам? Правда, еще крепкий, но высохший и ослабший, как длинный обрубок дерева, пораженного молнией; почтенным видом патриарха он был обязан белой раскидистой бороде, которая была ему по пояс. Когда приходилось, и не раз, прижимать к себе спящую жену, он чувствовал в ней, как и в себе, стремительно набирающий силу поток жизни; в конце они откидывались друг от друга, измученные и будто бы опустошенные, но можно ли было толковать эти объятия как залог Божьего обещания?

В ночном бдении часто появлялись образы двух разрушенных городов, которые Авраам тщетно пытался отогнать. Яхве, Великий и Бессмертный, смилуйся над верным Тебе Авраамом и сотри в прах горчичное зерно, которое зародилось в его сердце при виде Содома и Гоморры. Позволь представлять перед Тобой всегда, на каждый Твой зов, быть готовым к свершению всего, что Ты потребуешь. Вера, безграничная и безусловная вера в Тебя — вот единственный позвоночник старца, лежащего неподвижно под небом, которое Ты усеял звездами. Ни одна из них не осмелится упасть и погаснуть без Твоего соизволения.

Вот что душило Авраама, словно большое, твердое и горькое зерно под языком. (Он не мог его выплюнуть — зерно будто бы росло и прирастало к своему месту, подобно зернышку-близнецу в сердце.) Всемогущий все видит и знает. Было ли возможно, чтобы он не видел того взгляда, уставленного в дым Содома и Гоморры; чтобы Он не знал печали, которая, хоть и гонимая, втиснулась в душу строгого патриарха? Но вдруг он испытал облегчение, когда давно обещанное, долгождан-

ное и нечаянное событие вернуло тень Завета между ним и Яхве. Вздурлся впавший живот Сарры и начал постепенно набухать. Более того — вздурлся именно в день, когда-то указанный в откровении. Рожденному сыну дали имя Исаак. Сарра, стесняясь женщин моложе ее, которые иногда годами ожидали беременности, сказала: «Повод для смеха надо мной дал Бог. Каждый, кто узнает об этом, будет смеяться». И добавляла: «Кто осмелился бы сказать Аврааму: Сарра будет кормить детей; но вот я родила сына, несмотря на возраст свой и мужа». Но говорила так только для отражения злых взглядов и обезоруживания завистников. В действительности она была счастлива, кормя ребенка грудью, полной теперь молока. И Яхве добродушно улыбался, ведь он знал всю правду о ее счастье.

На мгновение успокоенный Авраам должен был вскоре убедиться, что Яхве ничего не забывает. Он вовремя выполнил обещание, даровал жизнь сыну Авраама и Сарры, с высоты любовался красотой, умом, живостью и набожностью Исаака, с удовольствием замечая, что сын с каждым днем все больше и больше любит отца, что он играет в его ногах и время от времени с восхищением поднимает кудрявую головку к бородатому лицу своего Наставника, что старается, когда это нужно, помочь матери. Однако милосердие Бога не ослабило память Бога. Это правда, что Яхве все видит и знает, но правда и то, что Он ни о чем не забывает.

И вот, одаривши столетнего Авраама сыном, Бог, помня о скорбном блеске очей при виде уничтоженных огнем городов, решил подвергнуть его испытанию. И сказал ему: «Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе».

После повеления Яхве бессонная ночь Авраама была не просто мучительной, как раньше. Она стала страшной. Горло пересохло, пелена тумана застила старые глаза. Он едва обращал внимание на спящую Сарру, видел только, как она слегка улыбалась во сне той самой улыбкой, которая утонченно играла днем на ее лице, улыбкой материнства. Исаак спал в углу палатки крепким сном расцветающей молодости, а рядом с ним за стенкой Елизар. Обращало на себя внимание, что верный слуга переворачивался с боку на бок и тяжело дышал. В голове Авраама мелькнула мысль, что Елизар что-то знает; может быть, он слышал повеление Яхве, обращенное к его господину? Нет, он не мог этого слышать, поскольку Господь и Авраам говорили друг с другом на божественном языке, непонятном простому смертному.

Авраам упал навзничь, через малое отверстие в крыше палатки прильнул помутневшим взглядом к небу. Должен ли он открыть перед Саррой, Елизаром и Исааком тайну Божественного повеления?

Нет, этого нельзя было делать. Воображение дорисовало ему вопли и плач Сарры, разрывающей на себе одежды, коленопреклоненного Елизара, умоляющим взглядом смотрящего на своего владыку, молоденького Исаака, тихо плачущего, спрятавшего свое личико у изголовья. Нет, этого делать нельзя, повторял он неслышно, набросив простыню на лицо. Если они втроем упадут к моим ногам, если, плача, попытаются отговорить меня от исполнения Божьего приказа, что я им отвечу? Сурово отчитаю или твердым голосом напомним просящим, что человеческий язык бессилен перед божественным? А он, Авраам, вернейший из верных, говорил с Господом только на божественном языке.

Через отверстие проник в палатку еще серый поток света, приближался день.

Когда полностью прояснилось, Авраам встал, оседлал осла и нарубил дров для сожжения жертвы. Он не торопился будить Исаака и звать двух слуг, которые должны были помочь ему. Отвернувшись от спящих в палатке, в углу незаметно он вытащил из тайника длинный нож, подточил его и положил за пазуху толстой льняной рубахи, подпоясанной ремнем. Расстегнутую на груди рубаху он прикрыл широкой и длинной бородой. «Не выпадет нож, — пробормотал про себя, — прилегает к моей груди и поддерживается ремнем». Еще Авраам взял с собой огниво. Только тогда он разбудил Исаака и позвал двух назначенных слуг. Сарра крепко прижала к груди сына. Может быть, она что-то предчувствовала? Мальчик доверчиво смотрел на отца. Елизар попрощался с Авраамом и Исааком низким земным поклоном.

Путешествие длилось полных три дня, все время в гору, иногда с такой крутизной, с такими пропастями по обе стороны тропы, что Авраам время от времени поднимал Исаака и усаживал его на осла прямо перед собой. С тропы срывались камни, и глухое эхо падения подсказывало, насколько глубока была пропасть. Они поднимались вверх медленно и осторожно, овеянные жарким воздухом. По ночам укладывались спать, но холод затруднял сон. Авраам снимал с осла толстое одеяло, подзывал сына, и оба они, обнявшись, укутывались одеялом. Мальчик дрожал от холода и крепко прижимался к отцу. Пыткой для Авраама было сознание, что он раскрывает объятия будущей жертве — своей и Господа.

На четвертый день утром они достигли цели. На одном из взгорий земли Мориа сверкнул и быстро погас свет, что было знаком Яхве. Авраам сказал своим слугам: «Останьтесь тут с ослом, а мы с мальчиком пойдем наверх, чтобы поклониться Богу. Потом мы вернемся к вам». Авраам снял с осла вязанку дров и возложил ее на плечи Исаака. В правой руке он держал огниво, левой рукой прижимал к груди нож.

Восходя на вершину горы, они приостановились, чтобы передохнуть. Исаак набрался смелости и решил спросить: «Отец мой! Вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?» Авраам отвернулся в сторону пропасти, избегая взгляда сына. И вот он ответил: «Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой». Авраам соорудил жертвенник и положил на нем дрова. Осталось теперь только связать и возложить на жертвенник Исаака. Но вдруг Авраам споткнулся о каменный выступ жертвенника, растянулся во всю длину и выпустил прижатый к груди нож. Нож выскользнул из-за бороды и рубахи, ударился о камень и с возрастающей скоростью стал падать в пропасть, с металлическим звяканьем касаясь торчащих из земли скал. Наконец он упал, не было видно где. Авраам, бледный и дрожащий, крикнул слуге, чтобы тот отыскал нож и принес его наверх. Отец удержал Исаака, который, молодой и ловкий, тоже хотел было бежать на поиски. «Господи, — прошептал Авраам, — неужели именно он должен отыскать и принести оружие своей смерти?» Внизу раздался страшный крик. Тогда побежал второй слуга, после чего, вернувшись, с разрешения Авраама, поднялся на то место горы, где ждал своего часа жертвенник, обложенный дровами. Слуга пал на колени перед Авраамом: «Господин, нож упал в глубокую яму в скале, полную ядовитых змей. Мой товарищ не испугался и полез за ножом. Тогда он был смертельно искусан. Что прикажешь, господин? Должен ли я тоже испытать судьбу?» Авраам, онемевший, отрицательно покачал головой. Лицо его изменилось до неузнаваемости. Он выглядел дико в приступе безумия. Связал Исаака и, прежде чем бросить мальчика на костер, сжал его шею большими жилистыми руками. Мальчик сделался пурпурным от удушающих объятий Авраама, дикого и безумного. Только тогда Яхве воззвал к Аврааму с неба: «Не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего; ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня». Авраам развязал Исаака, поставил его, шатающегося, на землю, и посадил на осла. Так он возвращался домой в Беер-Шева. Оставшемуся в живых слуге Авраам велел хранить мертвое молчание. Ведя осла покатою тропой, он время от времени бросал взгляд на Исаака. В глазах мальчика отражался страх, неудержимый страх. Аврааму не хватило смелости, чтобы отечески похлопать мальчика ладонью по щеке. Господь опять обратился к Аврааму: «Так как ты сделал сие дело и не пожалел сына твоего, единственного твоего, то Я, благословляя, благословлю тебя и, умножая, умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря».

Сарра сразу заметила после их возвращения синий обруч на шее и горле Исаака. Когда она, в знак приветствия, обняла его головку, он пискнул от боли. Но оба молчали, отец и сын, или пытались чем-ни-

будь отговориться, отвечая на ее вопросы. Во взгляде Исаака читался только страх. Зато жесток стал взгляд Авраама, суровый и прежде: он не заботился о том, чтобы не ранить супругу, не был способен даже на легкую тень чуткости, которая так утешала ее в прежние годы. Сарра замкнулась в себе, ни о чем не спрашивала, избегала обнимать сына, и в ее движениях появилась какая-то тревога. Будто бы ничего не изменилось, Авраам царствовал на вершине Завета с Господом, Исаак стал красивым, умным и добрым юношей, но иногда сквозь их палатку пробегал холод. «Хотя и подарил мне Яхве сына в преклонные годы, не таким я представляла себе ожидание гроба». Эта мысль становилась все более навязчивой в голове Сарры. Но Бог явно издевался над ней, отдаляя смерть. Сарра умерла на сто двадцать седьмом году жизни, оплаканная Авраамом. Она не увидела, прежде чем закрыла глаза навсегда, того, что так хотела и надеялась увидеть: исчезновения синего обруча на шее и горле Исаака.

Перед Авраамом, прошедшим испытание Яхве, открылся очередной, благословенный свыше отрезок жизни. Похоронив Сарру, он стал думать о женитьбе Исаака.

Женой Исаака была избрана Ревекка из родных мест Авраама. Приведенная Исааку, она полюбила его с первого взгляда. И он ее полюбил. И взял в жены. Они спали на ложе Сарры, на котором был зачат Исаак. Может быть, именно на этом месте Ревекке тайно привилась мысль, что при любовном слиянии и ласках следует остерегаться касания шеи супруга. Когда же это, несмотря на все предосторожности, случилось, он отзывался внезапным одеревенением всего тела.

Каина, убийцу брата своего Авеля, Господь сделал изгнанником и скитальцем по земле. С тех пор, — сказал Богу Каин, — всякий, кто встретится со мною, убьет меня. О, нет! — возразил Яхве — Я дам тебе знамение, чтобы, встретив братоубийцу, никто не посмел лишать тебя жизни. До конца дней своих будешь ты носить знак содеянного тобой зла. Знаком Зла назван этот приговор Господа.

Молва гласит, что незадолго перед смертью Авраам назвал Знаком Веры незаживающий обруч на шее Исаака. Оба эти знака постепенно вобрали в себя мир. И стал таким, каков он есть.

Сентябрь, 1997

Перевод с польского Л. Мальцева

**ОБЗОРЫ,
РЕЦЕНЗИИ**

Почему мир русской культуры немислим без Андрея Рублева? Какова судьба его духовной и художественной традиции в сегодняшней культуре — церковной и светской? А может, для нашего современника вовсе не так уж важен этот удивительный иконописец и его наследие?

А. Дорофеева, А. Юрвичиене

Символическое значение побережья как демаркационной и вместе с тем объединяющей границы стало смысловой доминантой сборников, изданных факультетом филологии и журналистики БФУ им. И. Канта. Связанные общим названием «Побережье», они образуют своеобразный диптих, посвященный образовательным и культурным связям России с Литвой и Польшей.

А. Черняков, Т. Цвигун